

По заявкам эстетствующей молодежи, сегодня мы поговорим об Эдмунде Гуссерле (1859-1938)

Жизнь его, по сути, ничего особенно интересного собой не представляет, типичный немецкий профессор конца 19-го - начала 20-го века. Родился, учился, преподавал в Галле, Геттингене, Фрайбурге, написал много, хотя при жизни опубликовал маловато. Вот, разве что, начал он свое образование с математики, к которой имел выдающийся талант по словам, между прочим, его учителя - великого Вейерштрасса! Но после защиты полностью обратился к философии, стремясь дать логико-гносеологическое обоснование математике и естествознанию вообще, постигнуть «последние основы» точных наук.

К главным его трудам относятся «Логические исследования», «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии», «Формальная и трансцендентная логика», «Картезианские размышления» и, конечно, посмертно опубликованный «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»¹.

Как мы с вами помним, проще всего понять и классифицировать в голове те или иные философские течения по тому, на какой конкретно философский вопрос эти течения отвечают. Гуссерль начал свои изыскания с поиска ответа на вопрос:

Каковы критерии научности и истинности теоретического знания?

Надо сказать, что в те годы весьма влиятельным было движение психологизма. Что это такое:

Многие философы считали, что логика есть по сути своей часть психологии, поскольку правила и законы логики устанавливаются относительно понятий и суждений, размышлений, т.е. психологических явлений. В задачу психолога входит найти правила логических операций, поэтому логика - есть прикладная психология. На этой мысли построена Гуссерлевская «Философия арифметики»;

Позже он изменил свою точку зрения. Психология - наука эмпирическая и экспериментальная, это наука о фактах сознания. Это значит, что ее законы имеют априорно вероятностный характер. И если с такой же вероятностной позиции подходить к логике, то понятия «истина» и «ложь» полностью утрачивают свои значения. Иначе говоря, психологизм представляет собой *«скептический релятивизм, а поэтому противоречит очевидным условиям возможности теории вообще»*.

Релятивизм утверждает, что Человек - мера всех вещей, как они существуют, и как не существуют, и поэтому всякая истина - это истина только для высказывающего ее субъекта. Пахнет солипсизмом, правда? Вот и Гуссерлю не понравилось. Он хотел, чтобы истина и ложь были самими собой, независимо от того, кто на них смотрит, чтоб они были собой вообще независимо от субъекта.

И тогда Гуссерль создал учение, центральным пунктом которого является «переживание истины», ее «непосредственное усмотрение», ее «очевидность». Идеальное единство смысла постигается путем этого

непосредственного усмотрения, интуиции

Но научное познание (в естествознании и точных науках) дискурсивно, оно опирается на предпосылки того, что мы воспринимаем то, что воспринимаем, и это самое и изучаем. Оно не ищет первопричин, а ищет законы работы (физика - движения, биология - тела и т.д.). Т.е. научное познание лишено внутреннего основания. Это основание и призвана дать ему философия.

Научное знание изучает мир существующих предметов и фактов, а здесь у нас нет непосредственного усмотрения истины: всякое познание может быть поставлено под сомнение в силу и точности фактов, и предпосылочности познания. Путь к абсолютной истине, который нельзя было бы поставить под сомнение - в особой установке сознания - именуемой феноменологической.

Феноменология по Гуссерлю имеет дело с подлинным источником всякого познания, т.е. с «чистой субъективностью». Она оперирует не объяснениями, а описаниями опыта. Это в самом чистом виде интуитивное знание, отличное и от чувственного созерцания, и от восприятия... Но как же добиться такого знания?

Нужно найти такие акты сознания, в которых объекты переживались бы нами в полной очевидности - отвечает нам Гуссерль

Ведь обычно как... Обычно непосредственно схватываемое сразу же перемешивается в сознании с интерпретациями. Например, вот смотрим мы на стол и сразу же в уме приписываем ему обратную, заднюю сторону, а ее, может, и нет там вовсе, может, там стиральная машина вмонтирована...

И все-таки нечто совершенно очевидное уже имелось в акте нашего восприятия стола! Это то, что я воспринимал его именно как стол, а не как стул, стену или пресловутую стиральную машину. И это присутствовало в моем сознании совершенно несомненно! Т.е., имелся акт «мнения», определенная направленность моего сознания - нацеленность на восприятие стола как стола, а не как чего-нибудь другого. Иначе говоря, предмет всегда дан мне так, что я не могу быть абсолютно уверен, что с изменением точки зрения он не превратится в нечто иное... Но зато мне с полной очевидностью дано то, что моему сознанию в данный момент были присущи именно такие, а не иные акты полагания предмета.

Это и есть первоначальный опыт, который не подвергся еще никакой интерпретации, исходная очевидность, которой ничто не предшествует.

А чтобы добраться до этого слоя сознания, нужно снять все до одного напластования из домыслов, как листья от капусты - это процесс Гуссерль назвал феноменологической редукцией

По нему, сознание человека - это такая штука, которая всегда направлена на какой-то объект, не бывает сознания самого по себе. Это самый объект и есть феномен. Он и сознание - это коррелятивные понятия.

Так же как феномен не является субъективной видимостью (здесь внимание, следите, с чего он начал, и к чему придет в конце), так и сознание не есть совокупность каких-то состояний. Оно - не какая-то там внутренняя инстанция, противостоящая внешнему миру, не сфера, ограниченная и замкнутая, затягивающая в себя ощущения и представления

извне. Нет, оно интенционально и изначально направлено на предмет, т.е. сознание - это всегда «сознание о...». Таким образом, субъект должен каким-то образом покинуть сознание, захватывать нечто в мире и возвращаться со своей добычей обратно, где помещать ее на полочку и там как-то классифицировать. Но в таком случае объект всегда входит в сознание искаженно и никогда не познается адекватно... Объекты феноменологического исследования, т.е., ни много, ни мало, объекты философии - это векторы направленности сознания. И тогда разделение на объект и субъект вообще имеют смысл только в рамках акта сознания. Как предмет сознания, философский камень, получается, ничуть не менее реален, чем любой конкретный кирпич... А это... бинго, тот самый солипсизм, с отрицания которого Гуссерль начал свое рассуждение (и за который его потом и порицали Хайдеггер и Шютц)!

Но, продолжал рассуждать Гуссерль, ведь мною же переживается не совокупность чувственных идей и впечатлений, а сам предмет. Одним полюсом феномена оказывается акт переживания (восприятия, оценки), а другим - тот предмет, на который этот акт направлен.

Этот акт - *ноэзис*, а предмет, на который *ноэзис* направлен - *ноэма* или *ноэматический коррелят* (вот этими словами точно можно ругаться)

Чтобы прийти к описанию этих феноменов, по моему мнению, следовало бы редуцировать все интерпретации, т.е. совершить эпохЕ - воздержание от суждений. Таков первый этап ф. редукции. Вообще-то есть целый ряд этих этапов (психологическая, эйдетическая, феноменологическая редукции), но по сути все это способы снять «естественную установку» и произвести «внутреннюю революцию». По тому, как это лучше делать, у Гуссерля и его последователей есть методические рекомендации-инструкции. В энергоинформационике есть что-то похожее: «Зрительный образ - это не то, что мне нужно, чувственный образ - это не то, что мне нужно... и т.д.». Вот это все от Гуссерля

Воздерживаясь от суждений, мы неминуемо, по Гуссерлю, сосредотачиваемся не на существовании (бытии), а на сущности. Реальность, конкретность выносятся за скобки восприятия, и в результате мы получаем идеальную сущность - *эйдос*. Данное фактически нам нужно сделать ирреальным, т.е. идеальным, чтобы получить его чистую сущность, его «

чтойность
».

Например, взглядываясь в красный цвет, мы отбрасываем свои ассоциации, настроение, ощущение поверхности, отбрасываем свои знания о том, как происходит зрение, и о волнах... и, наконец, постигаем красный как он есть. *Эйдос* красного - это не понятие, не логическая конструкция, а данная нам непосредственно суть, смысл. Поняв красный один раз, дальше нам будет уже проще со всем остальным красным. Все равно как заново учиться видеть и различать предметы по именам, это такая действительно очень особая модальность восприятия, к которой призывали феноменологи.

Любая позитивная наука, по мнению Гуссерля, нуждается в феноменологическом прояснении исходного объекта своего изучения. Скажем, биологии необходимо решить, что есть жизнь изначально... Но самой науке, как мы уже говорили, это не под силу, поэтому это должна сделать философия.

Солипсизм является методологическим исходным пунктом феноменолога, который затем должен был показать, причем, показать строго феноменологически, то, как другое Я конституируется в поле моего сознания именно как другое, чуждое мне, а также и то, что другие люди являют собой подобные мне центры, монады, если хотите, конституирующие один и тот же мир.

Вот как раз за то, что вывести феноменологически это другое Я Гуссерлю не удалось, его и критикуют Хайдеггер, Сартр, Ортего-и-Гассет, Шютц и другие. Все они принимали феноменологический подход, но отказывались в нем от трансцендентального идеализма. По их мнению, сознание действительно высвечивает бытие, но смыслополагание не обладает могуществом творения мира, тогда как, по мнению Гуссерля, сознание создает предметное бытие.

Начали с возвращения к вещам, а пришли к тому, что их конституирует сознание...

Хотя Гуссерль и не принял явно новаций Хайдеггера и Шелера, все же в «Кризисе...» у него уже видны подвижки в сторону того, куда шел и Хайдеггер в своем «Бытии и времени» (где предмет феноменологического описания - уже не идеальная сущность, а существование). И вопрос, которым Гуссерль завершил свои философские поиски, звучал уже несколько по-другому:

Могут ли мир и человеческое существование поистине иметь какой-либо смысл, если для наук как истинное значимо только объективно устанавливаемое, если истории больше нечему научить, кроме того, что все образования духовного мира, все когда-либо поддерживавшие людей жизненные связи, идеалы, нормы формируются и вновь растворяются, наподобие текучих волн, что так было и будет, что вновь и вновь разум будет оборачиваться бессмыслицей, а благодеяния бедствиями?

1 Husserl E. Die Krise der europäischen Wissenschaften und die transzendente phänomenologie. Hamburg, 1995, S.5